

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 3

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

«святых», покойных аймулл, родных и близких присутствующих. Обычай совершать «громкий» зикр (джахр) после Х. й. в последний раз отмечен в первые десятилетия советской власти.

Первые сведения о Х. й. в Средней Азии относятся к XIX в. Существует предположение, что этот обычай занесен в регион из Индии (Giyarwee Shareef, «святой одиннадцатый») членами братства кадирийа-низамийа и приобрел местный колорит. В XIX в. Х. й. в Бухаре получил такое широкое распространение, что некоторые русские очевидцы принимали участников ритуала за самостоятельное братство — «орден Х. й.». В Средней Азии Х. й. был распространен и среди мужчин, и среди женщин, в советское время он становится преимущественно женским обрядом (так как религиозная жизнь мужчин в мечетях была под строгим контролем), но от этого не упрощается. Аймулла может руководить Х. й., лишь получив специальное разрешение (или благословение) (фатиха) от учителя (устаз). При этом ей вручают текст Х. й. (руйхат) и молитвенный коврик (джайнамаз). В семье такой женщины должна быть потомственная традиция проведения Х. й.

В настоящее время Х. й. считается самым важным обрядом женщин-сунниток Бухары. Его совершают или просто как доброе дело (саваб), или в надежде на исполнение какого-либо конкретного желания (в отличие, например, от мушкул-кушад).

Лит-ра: полевые материалы автора; Рук. ИВРУз 3970, л. 35б–36б; А.Л.Троицкая. Женский зикр в старом Ташкенте // Сб. МАЭ. VII. Л., 1928, 173–199. О.А.Сухарева. Квартальная община позднефеодалного города Бухары. М., 1976; Thierry Zarcone. La Qadiriyya en Asie Centrale et au Turkestan Oriental // Journal of the History of Sufism. I (2000). Istanbul (в печ.).

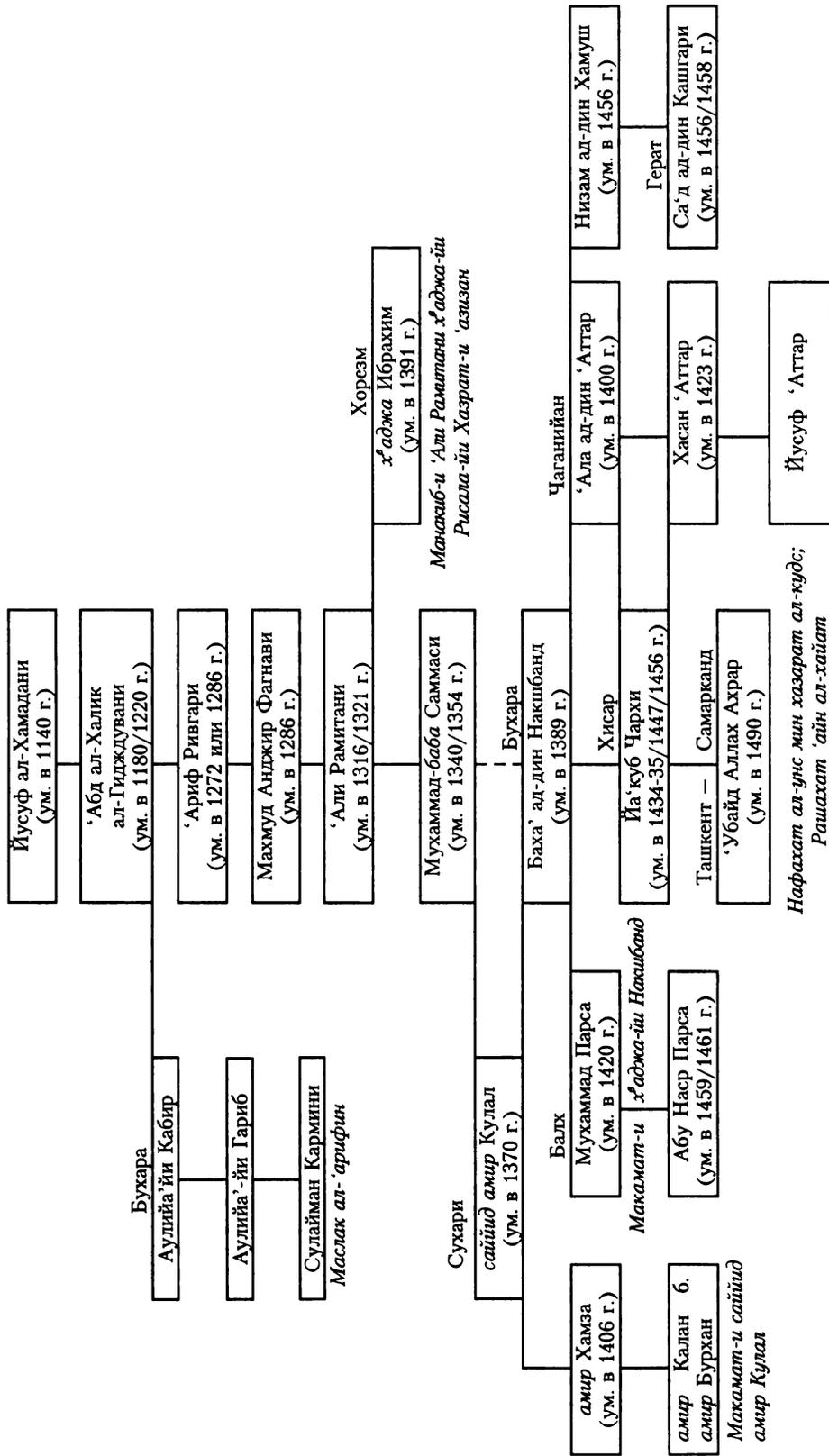
А. К.

Х'аджаган (мн. ч. от перс. х'аджа — «господин») — самоназвание мистико-религиозного течения в Центральной Азии, представившего в разное время (конец XII — конец XV в.) и с различной степенью централизации совокупность суфийских общин, возводивших цепь духовной преемственности (силсила) к своему основателю — 'Абд ал-Халику ал-Гидждувани (ум. в 1180 или 1220 г.). Если ориентироваться на «центральную» силсила (шайхи от ал-Гидждувани до Баха' ад-дина Накшбанда (1318–1389) — основателя-эпонима накшбандийа), реконструируемую (скорее всего искусственно) письменными источниками начиная с середины XV в., то Х. выглядит предтечей братства накшбандийа. Однако наличие «побочных» ветвей, ретроспективная переоценка последователями «центральной» силсила роли Накшбанда (в результате чего он становится вершиной эволюции Х.), а также тот факт, что название «накшбандийа» появляется в источниках лишь через два-три поколения после смерти Накшбанда, позволяют утверждать, что община Баха' ад-дина довольно долго воспринималась в суфийской среде не более чем одна из многочисленных общин Х. Центральной Азии.

Нисходящая силсила Х. «Центральная» силсила включает в себя кроме ал-Гидждувани еще пять шайхов Х.: четвертого халифа 'Абд ал-Халика — 'Арифа Ривгари (ум. в 1259 г.), одного из преемников последнего — Махмуда Анджира Фагнави (ум. в 1272 или 1286 г.), вслед за ним — 'Али Рамитани (ум. в 1316 или 1321 г.) по прозвищу Хазрат-и 'азизан, далее — Мухаммадабаба Саммасы (ум. в 1340 или 1354 г.) и саййида амира Кулала (ум. в 1370 г.) — одного из учителей Накшбанда. Однако в сочинениях последователей Баха' ад-дина из данной цепи преемственности иногда исключаются некоторые ее звенья. Как правило, исключенными являются либо 'Али Рамитани, либо амир Кулал — последний в варианте силсила у Йа'куба Чархи (ум. в 1434–35, или 1447, или 1456 г.) в его небольшом трактате Унсийа. В связи с чем «центральной» данная силсила Х. может считаться лишь условно, ибо, во-первых, она является поздней реконструкцией, узаконенной Фахр ад-дином 'Али б. Хусайном Кашифи Ва'изом (1463–1531) в его Рашахат 'айн ал-хайат (основном агрографическом сочинении по Х.-накшбандийа), во-вторых, ее «централизация» предполагает пристрастный подход, связанный с нивелированием, обесцениванием роли «побочных» линий в истории Х. и признанием их тупиковыми или вообще не существовавшими.

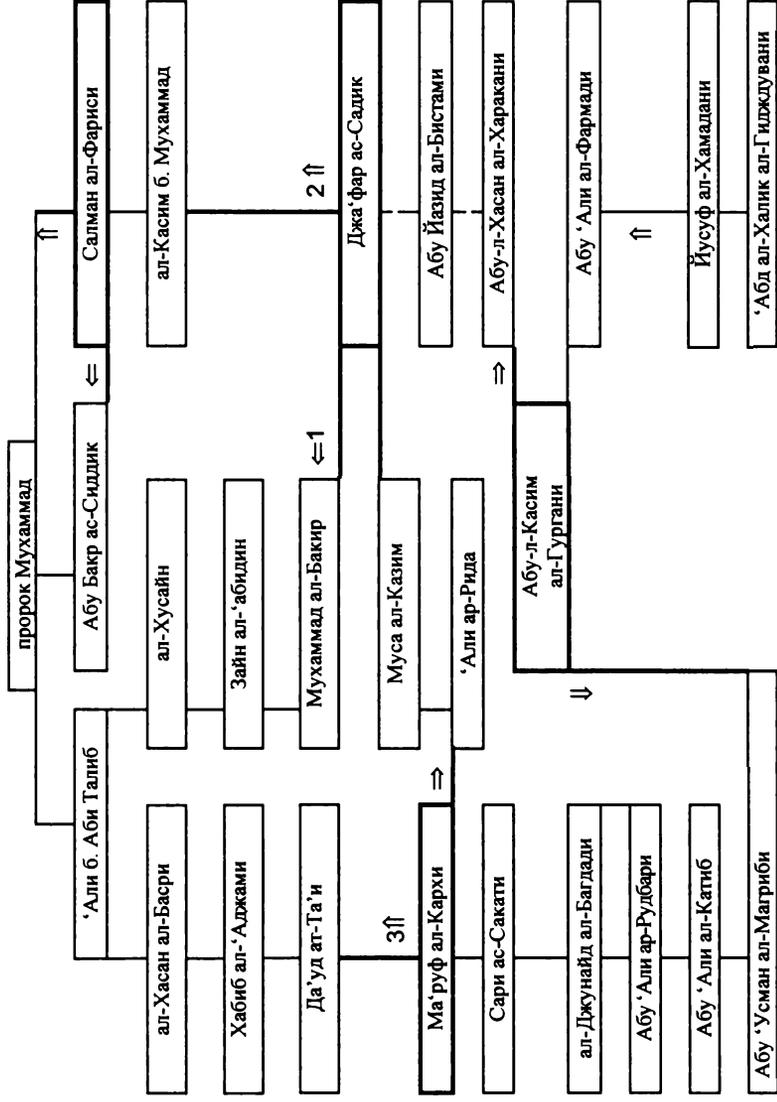
По-видимому, попытка следовать традиции «четырех „праведных“ халифов» вынудила Кашифи придерживаться определенных принципов при реконструировании силсила Х.: начиная с учителя ал-Гидждувани — Абу Йа'куба Йусуфа ал-Хамадани (1048–1140) подавляющее число шайхов Х. имели по 4 заместителя-халифа, каждый из которых в период, охваченный Рашахат, в соответствии со своим порядковым номером возглавлял общину с уходом (например, Ахмад ал-Йасави — третий халифа ал-Хамадани) или смертью предыдущего заместителя. Создается впечатление, что назначавший их шайх заведомо знал последовательность ухода из жизни своих учеников. В действительности, следуя общему суньянскому практике, шайх мог перед смертью назначить преемником-руководителем своей общины только одного человека, препоручив ему всех своих сподвижников (асхаб), что находило прямое и косвенное подтверждение в источниках Х., или же в случае внезапной кончины шайха община должна была определить его сама. Рост числа локальных общин, при формальном отсутствии иерархической соподчиненности между ними, обеспечивался учениками, получавшими разрешение (иджаза) на самостоятельное наставничество. Согласно Рашахат, ни один из шайхов «центральной» силсила Х. не являлся наследственным шайхом и ни один из них не являлся первым халифа (ал-Гидждувани — 4-й, 'Ариф Ривгари — 4-й, Махмуд Фагнави — один из ближайших асхабов, 'Али Рамитани — 2-й, Мухаммад-баба Саммасы — ближайший из последователей, амир Кулал — лучший из всех халифа, по-видимому 4-й).

Нисходящая *силсила* х^ааджаган-накшбандийа
и ее основные «побочные» линии

Восходящая силсила х^н аджаган

С х е м а 6

Совершенно другая картина наблюдается при рассмотрении «побочных» *силсила*, представленных в той или иной степени наследственными *шайхами*. Наиболее заметны общины, оставившие после себя письменное наследие и отразившие в нем свой взгляд на традицию Х. В первую очередь это относится к преемникам второго *халифа*, названного сына 'Абд ал-Халика — Аулийа-йи Кабира и непосредственно к *х'адже* Сулайману Карминаги и его последователям; им принадлежит одно из первых письменных сочинений «побочных» ветвей Х. — Маслак ал-'арифин, дошедшее до нас как минимум в двух версиях и известное в редакции Мухаммада б. Ахмада б. Ас'ада ал-Бухари (сер. XIV в.). Согласно этому источнику, *шайхи* Х. после ал-Гидждувани не имели строго определенного числа заместителей: у одного их 3, у другого — 5, у третьего — 2.

Манакиб-и х'аджа-йи 'Али Рамитани в редакции Мухаммада б. Низама ал-Х'аризми ал-Арзанги также принадлежит «побочной» ветви Х. — общине последователей 'Али Рамитани, которую после практически одновременной смерти отца и старшего брата возглавил младший сын Рамитани — х'аджа Ибрахим (ум. в 1391 г.).

Третий источник информации о традиции Х. — сочинение правнука *амира* Кулала — Ши-хаб ад-дина (ум. в 1436-37 г.), описавшего между 1406 и 1437 гг. жите своего предка в Макамат-и *амир* Кулал. В нем, в частности, говорится, что после ухода старшего сына Кулала *амира* Бурхана к Накшбанду руководить общиной Кулала стал другой сын — *амир* Хамза (ум. в 1406 г.).

Восходящая *силсила*. Поздние источники Х. более или менее едины в определении цепи духовной преемственности по восходящей от ал-Гидждувани как «золотой цепи» (*силсилат аз-захаб*) или «соли *шайхов*» (*намак-и машайих*), поскольку она вобрала в себя несколько линий преемственности и все бытовавшие традиции суфизма, представленные следующими лицами:

1) Йусуф ал-Хамадани → Абу 'Али ал-Фармади ат-Туси → Абу-л-Касим ал-Гургани → Абу-л-Хасан ал-Харакани → Абу Йазид ал-Бистами → *имам* Джа'фар ас-Садик → *имам* Мухаммад ал-Бакир → *имам* Зайн ал-'абидин → *имам* ал-Хусайн → «праведный» *халиф*, *имам* 'Али → пророк Мухаммад;

2) до *имама* Джа'фара ас-Садики аналогично первой линии, далее: ал-Касим б. Мухаммад б. Аби Бакр → Салман ал-Фариси одновременно → «праведный» *халиф* Абу Бакр ас-Сиддик и → пророк Мухаммад;

3) до Абу-л-Касима ал-Гургани идентично первым двум линиям, далее: Абу 'Усман ал-Магриби → Абу 'Али ал-Катиб → Абу 'Али ар-Рудбари → ал-Джунайд ал-Багдади → Сари ас-Сакати → Ма'руф ал-Кархи одновременно → Да'уд ат-Та'и → Хабиб ал-'Аджми → ал-Хасан ал-Басри → 'Али б. Аби Талиб → пророк Мухаммад и → *имам* 'Али ар-Рида → *имам* Муса ал-Казим → *имам* Джа'фар ас-Садик и далее по двум предыдущим вариантам от *имама* Джа'фара ас-Садики (см. схему).

Сочетание нескольких линий требовало особого комментария в отношении лиц, выделявшихся тем, что они или были звеньями не одной цепи духовной преемственности, или воспитали представителей разных *силсила*, или их духовная преемственность не выглядела очевидной. Так, о *шайхе* Абу 'Али ал-Фармади ат-Туси (1011–1084-85) на полях сочинений или (реже) непосредственно в тексте часто говорится, что он являлся наставником в суфизме не только Йусуфа ал-Хамадани, но и *имама* Абу Хамида ал-Газали ат-Туси (1058–1111). Этим двух людей связывает еще один общий наставник, знаменитый *факих* багдадской *мадраса* ан-Низамийа Абу Исхак аш-Ширази (ум. в 1083 г.), к которому ал-Хамадани прибыл на обучение в 1064 г., будучи восемнадцатилетним юношей. Из независимых от Х. источников — «ал-Мунтазам фи та'рих ал-мулук ва-л-умама» Ибн ал-Джаузи, «Шазарат аз-захаб фи ахбар ман захаб» Ибн 'Имада и др. — известно также, что ал-Хамадани сильно недолюбливал младшего брата ал-Газали, Ахмада ал-Газали (ум. в 1126 г.), обвиняя его в том, что он не только утратил веру, но и мирского в нем не осталось (намек на гомосексуальную ориентацию Ахмада), и объявляя пламенные речи Ахмада внушенными дьяволом. Эти оскорбительные обвинения не могли не сказаться на отношении старшего ал-Газали, всегда защищавшего Ахмада, к ал-Хамадани. Вероятно, отчасти поэтому ссылки на Абу Хамида ал-Газали при явном копировании отрывков из его многочисленных сочинений поздними последователями ал-Хамадани (например, в Рисала-йи кудсийа и в «Тахкикат» Мухаммада Парсы (1345–1420) из «Кимийа-йи са'адат» ал-Газали) — довольно редкое явление в традиции Х.

Вторая фигура, выделяемая в *силсила* Х., — Абу-л-Касим ал-Гургани. Считается, что он объединил в себе две цепи духовной преемственности. Одна из них восходит к *шайху* ал-Джунайду ал-Багдади (ум. в 910 г.) и полулегендарному основателю багдадской школы мистицизма Ма'руфу ал-Кархи (ум. в 815 г.), другая — к Абу Йазиду ал-Бистами (ум. в 848 или 875 г.) и через него непосредственно к шестому ши'итскому *имаму* Джа'фара ас-Садику (ум. в 765 г.). Имя последнего практически всегда сопровождает ремарка, поясняющая, что ал-Бистами родился уже после смерти *имама*, поэтому имел с ним духовную связь (*нисбат*) и был посвящен его духовной сущностью (*руханийат*). То же самое объяснение приводится и для *шайха* Абу-л-Хасана ал-Харакани (ум. в 1033-34 г.), родившегося после смерти ал-Бистами.

Наконец, третья фигура в *силсила* Х., требующая особого комментария, — *имам* Джа'фар ас-Садик. С ним связывают пересечение двух духовных цепей, восходящих, с одной стороны, к его отцу — *имаму* Мухаммаду ал-Бакиру (ум. в 732 или 736 г.) и далее по линии духовно-генетической преемственности ши'итских *имамов* к четвертому «праведному» *халифу* и первому ши'итскому *имаму* 'Али (ум. от ран в 661 г.) и через него к Пророку, а с другой — через своего

деда по материнской линии ал-Касима б. Мухаммада б. Аби Бакра ас-Сиддика (ум. ок. 725 г.) к сподвижнику Пророка Салману ал-Фариси (ум. в 655 или 657 г.). Последний был инициирован как самим Пророком, так и первым «праведным» халифом Абу Бакром ас-Сиддиком (ум. в 634 г.). Комментарии источников в отношении Джа'фара ас-Садики основываются на сочинении Кут ал-кулуб известного представителя раннего суфизма шайха Абу Талиба ал-Макки (ум. в 993 или 996 г.).

Традиции Х. Представленные линии духовной преемственности (даже если допустить их позднюю искусственную реконструкцию) отражают реальные традиции, существовавшие в исламском мистицизме до возникновения Х. и носившие отличительные признаки принадлежности к той или иной школе, тому или иному учению. Например, практика «громкого» богопомятия (*зикр-и джахр*) в сочинениях Х. связывалась с именем 'Али, а «тихого» (*зикр-и хафи*) — с именем Абу Бакра, практика *муракаба* — с линией и именем Джунайда ал-Багдади и багдадской школой созерцательного мистицизма и т.д. Их включение в традиции Х. являлось показателем общинного самоопределения, выделения себя из массы других суфийских общин, конкурировавших с Х. на территории Хорасана и Мавараннахра: Йасавийа, кубравийа, 'ишкийа и т.д. Нисходящая от ал-Гидждувани «центральная» *силсила* в передаче Рашахат также преследовала эти цели. В первую очередь речь идет о традиции духовной преемственности как основе социального оформления общины и о духовно-религиозной практике.

Как уже было сказано, «побочные» линии имели тенденцию к духовному наследованию по принципу генетического родства, от отца к сыну. Такие общины жили более или менее независимо от других, родственных им по духу общин Х.: община 'Али Рамитани обосновалась в Хорезме под руководством его сына х'аджи Ибрахима; община *амира* Кулала — в родовом Сухари под началом его сына *амира* Хамзы, а затем из-за отсутствия наследников мужского пола — сына его старшего брата *амира* Бурхана; община Мухаммада Парсы (после неожиданной кончины шайха во время *хаджежа*) — в Балхе под руководством его сына Бурхан ад-дина Абу Насра Парсы (ум. между 1459 и 1461 гг.), после которого к семье Парса на долгие времена отходит пост шайх ал-ислама в Балхе; община первого заместителя Накшбанда и его зятя 'Ала' ад-дина 'Атгара (ум. в 1400 г.) — в Чаганиане под началом сына 'Ала' ад-дина и второго зятя Накшбанда, Хасана 'Атгара (ум. в 1423 г.), и в дальнейшем его сына Йусуфа 'Атгара. Последняя в истории Х. даже получила собственное название по имени 'Ала' ад-дина — *та'ифа* 'ала'ийа. Список можно дополнить наследственной общиной Са'д ад-дина Кашгари (ум. в 1456 или 1458 г.) в Герате. Та же самая тенденция прослеживается за пределами периода, вошедшего в Рашахат: возникновение семейного клана шайхов Джуйбари, ак-таглык и кара-таглык (белогорских и черно-

горских х'аджей), и т.д. Данная патриархальная традиция, отнюдь не чуждая исламу, особенно в его ши'итской форме, по всей видимости, издревле доминировала не только в центральноазиатском регионе, а с приходом ислама проявилась в формировании различных привилегированных сословий «белой кости» (*ок-суяк*) — *сайидов* (потомков из рода Мухаммада), *амиров*, *тура*, *ишанов*, *махсумов*, что в суфизме нашло отражение в появлении так называемых наследственных шайхов (*шайх-и мираси*). Возможно, не случайно *силсила* Х. включает ши'итскую цепочку из пяти наследственных (хотя формально и по заветанию) *имамов*. Согласно современным исследованиям, подобная династичность была возможна при заключении эндогамных браков внутри привилегированных сословий и соблюдении правила майората, когда отцу наследовал старший сын. Скорее всего, именно против наследственной преемственности всеми способами выступает автор Рашахат, пытаясь сделать ее отсутствие показателем общинного самоопределения Х.: это отказ наследственным шайхам в «центральной» *силсила* и отказ первому халифу в передаче духовного наследия как противопоставление принципу майората, позднее со всей очевидностью отраженному в наследовании у джуйбарских шайхов. Косвенно осуждение наследственной преемственности выразилось в том, что, используя Макамат-и амир Кулал, автор Рашахат видит в преемнике Кулала, *амире* Хамзе, второго сына после *амира* Бурхана, увиденного Накшбандом в свою общину, тогда как в Макамат-и амир Кулал он назван третьим сыном после второго — *амира* Шаха. Кроме того, Кашифи Ва'из акцентирует внимание на случаях перехода учеников из наследственной общины *амира* Кулала в общину Накшбанда, у которого просто не было потомков мужского пола.

Другая общемульманская традиция, адаптированная и выделяемая сочинениями представителей «центральной» *силсила* Х., — духовное усыновление (*фарзанд-и ма'нави*, *фарзанд-и ханда*) — также противостоит традиции наследования по принципу генетического родства. В частности, передаточное звено между Накшбандом и х'аджей 'Убайд Аллахом Ахраром (1404–1490), Йа'куб Чархи, обосновывает духовное усыновление, широко практикуемое шайхами Х., традицией Пророка и его приемного сына Зайда б. ал-Харисы.

Статус независимой *силсила* обретает в Х. традиция *увайси*, уходящая корнями в доисламский период и воспринятая исламским мистицизмом во всех регионах его распространения. В домульманской Центральной Азии данная традиция скорее всего была известна под названием *бурхийа*, по имени ее основателя баба Бурха. В исламе ее стали называть по имени йеменского современника Пророка, Увайса ал-Карани, который, ни разу не встречавшись с Мухаммадом, был инициирован, как считается, его духом. Суть традиции *увайси* заключается в отсутствии земного наставника и наличии наставника-духа из почивших пророков и «святых». Среди по-

следних, как правило, можно встретить ал-Хидра/Хизра, относимого мусульманской историей к родовому колену одного из сыновей пророка Нуха (Ной), Саму (Сим), родоначальнику всех арабов. Центральноазиатская версия происхождения Хизра в передаче «Фасл ал-хитаб» Мухаммада Парсы и «Абдалиа» Йа'куба Чархи, наделяя первого *куней* Абу-л-'Аббас, связывая его через трех передатчиков с Нухом и называя пророка Ийаса дядей Хизра, выглядит весьма условной: Малакан б. Билийан/Илийан б. Шам'ан б. Сам б. Нух. Арабоязычная мусульманская традиция, туманно называя имя, отводит ему более определенное место среди потомков Малакана и Фалига (Фалек): Билийан/Илийа б. Малакан б. Фалиг б. 'Абир (Евер) б. Шалих (Сала) б. Арфахшад (Арфаксад) б. Сам б. Нух. Наряду с другими *шайхами* «центральной» *силсила* ее два ключевых звена — ал-Гидждувани и Накшбанд — отчетливо соотносятся с традицией *увайси*: первый благодаря общению с Хизром становится основоположником практики «тихого» богопоминания (*зикр-и хафи*), второй общением с духом ал-Гидждувани приблизительно спустя полтора века возрождает эту практику и так же, как в свое время ал-Гидждувани, делает ее отличительным признаком своей общины.

Принципы духовно-религиозной жизни. Кроме упомянутого «тихого» *зикра* ал-Гидждувани в сочинениях «центральной» *силсила* приписывают восемь принципов духовно-религиозной жизни. Первые четыре из них касаются условий духовного роста, а вторые четыре — практики тихого, внутреннего богопоминания. Эти восемь принципов, как считается, были затем дополнены тремя принципами Накшбанда: «осознание времени» (*вукуф-и замани*), «осознание исчисления» (*вукуф-и 'адади*) и «осознание сердца» (*вукуф-и калби*).

В названиях принципов ал-Гидждувани привлекает внимание полное отсутствие арабизмов, даже повсеместно употребляющийся арабоязычный термин *зикр* заменяется малоупотребительным персидским эквивалентом *йадкард*, несмотря на то что в эпоху ал-Гидждувани арабский язык в ираноязычном этнолингвистическом регионе только-только начинал сдавать свои позиции. Видимо, указанные принципы в арабской форме так или иначе бытовали в суфийской среде до 'Абд ал-Халика и были просто заменены им (или, скорее, его последователями) их персидскими эквивалентами, став таким образом показателями общинной принадлежности Х. На эти же мысли наталкивают комментарии к принципам, где некоторые из них уже явно соотнесены с известными арабскими эквивалентами: *йадкард-зикр*, *нигахдашт-муракаба*, *йадашт-мухафаза* или *мушахада* и т.д. Аналоги принципам ал-Гидждувани можно вычленил в двух сочинениях Мухаммада ал-Газали — арабоязычным Ихйа' 'улум ад-дин и персоязычным Кимийа-йи са'адат, автор которых проходил обучение у тех же учителей, что и наставник ал-Гидждувани — Йусуф ал-Хамадани. Таким образом, традиции, из которых заимствованы указанные принципы, со всей

очевидностью прослеживаются в восходящей *силсила* Х. В отношении дополнений Накшбанда достаточно сказать, что в сочинениях «центральной» *силсила* «осознание исчисления» (*вукуф-и 'адади*) напрямую увязывается с азами божественного знания (*'илм-и ладуни*), т.е. того знания, которое ал-Гидждувани задолго до Накшбанда приобрел в общении с Хизром вместе с «осознанием исчисления». Сам же Баха' ад-дин, по одним источникам, не считал *вукуф-и замани* и *вукуф-и 'адади* обязательными условиями (*шарт*), по другим — придавал им особое значение.

В ранних сочинениях общин «побочных» линий Х. принципы ал-Гидждувани упоминаются лишь частично, и одновременно там прослеживается другое, по сравнению с Рашахат, понимание некоторых из них или полное их игнорирование (Макамат-и амир Кулал) либо их замена на иные принципы. Последнее особенно явно отражено в первом поколении Х., где вопреки принципу «уединения в обществе» (*халват дар анджуман*) практикуется 40-дневное затворничество (*чилла*), и в сочинении, приписываемом самому 'Али Рамитани, — Рисала-йи Хазрат-и 'азизан, где автор вводит свои 10 обязательных условий (*шарт*) Пути. В свою очередь, община 'Ала' ад-дина 'Аттара, являясь, казалось бы, непосредственной преемницей учения Накшбанда, стала известна благодаря широкому введению практики *рабита* и *муракаба*, которые ставились выше, чем *зикр*, и не требовали постоянного присутствия *шайха* рядом с практикующим. В общинах амира Кулала и 'Али Рамитани очень часто наблюдается отход от практики «тихого» *зикра* в пользу публичного (*зикр-и 'алани*), или «громкого» (*зикр-и джахр*), что, вероятно, могло служить одним из внешних показателей принадлежности общины традиции наследственной преемственности, ибо повсеместно конкурентное окружение Х., представленное наследственными общинами Йасавийа и 'ишкийя, придерживалось именно «громкого» богопоминания. Таким образом, говорить о какой-то общей ритуальной практике, которая объединяла бы последователей ал-Гидждувани, не приходится: каждая община пыталась создать свое представление о традиции Х., ставя во главу угла выделение своей общины из массы других суфийских общин и обосновывая собственное право на законное существование в рамках *шару'ама*. То же самое относится и к социальной организации общин Х., распадавшихся после смерти ключевых фигур на локальные семьи, действовавших вне рамок какой-либо строгой иерархической структуры и имевших между собой скорее горизонтальные, чем вертикальные связи.

Взаимодействие с другими братствами. Сочинения «центральной» *силсила* рисуют отношения Х., *шайхов* кубравийа и йасавийа (с последними Х. связывал духовный прародитель — ал-Хамадани) как мирное сосуществование, а изредка высвечивающиеся конфликты разрешаются в них всегда в пользу последователей Х. Об основателе братства накшбандийа говорится, что какое-то время он обучался у тюркских *ата*.

Х'аджа Ахрар, согласно этим источникам, возводил одну из цепей своей духовной преемственности к тюркским *шайхам* (с которыми был в кровном родстве), вообще считавшим *х'аджу* Ахрара своим воспитанником. Таким образом, вполне закономерно Ахрар (наряду с ал-Гидждувани и Накшбандом) становится третьей ключевой фигурой в «центральной» *силсила*, связанной с Йасавией. Однако согласно тюркским источникам, в частности Ламахат мин нафахат ал-кудс, Ахмад ал-Йасави возводил свою независимую от Х. *силсила* (помимо Йусуфа ал-Хамадани), с одной стороны, к старцу Арслан-бабу — прародителю тюркских *шайхов* и *халифу* 'Али, а с другой — к *шайху* Шихаб ад-дину ас-Сухраварди (1145–1234–35). Можно предположить, что по крайней мере до *х'аджи* Ахрара отношения между Х. и Йасавией не были столь безоблачными, как это представляло поздней традицией Х. Если следовать ей, то практика тюркских *шайхов* отличалась только «громким» *зикром*, тогда как в действительности они практиковали «громкие» радения (*сама*), сорокадневное уединение (*халват арба'ин, чилла*) и многое другое, против чего время от времени выступали *шайхи* Х.

Письменное наследие. В целом можно сказать, что *шайхи* Х. не ленились писать и, ориентируясь на своего основателя 'Абд ал-Халика, оставили довольно богатое письменное наследие, которое накапливалось по нарастающей. Скорее всего, это опять-таки обуславливалось ужесточением конкуренции в период после монгольского завоевания, ослабившего позиции ислама, попытками отстоять свое видение суфизма и право на законное существование как среди генеалогически родственных общин, так и среди явных конкурентов. Традиционно сочинения в жанре житийной литературы (*макамат, тазкира, манакиб*) создавались учениками и последователями уже после смерти своих наставников, богословские же изыскания на благо общины (как правило, в виде посланий, *рисала*) только приветствовались. Очевидно, что агиографические сочинения представителей «центральной» *силсила*, в первую очередь «Рашахат» Кашифи и отчасти «Нафахат ал-унс мин хазрат ал-кудс» 'Абд ар-Рахмана Джамии (1414–1492) (если не считать их прямым социальным заказом *х'аджи* Ахрара), были призваны упорядочить нисходящую *силсила* и сделать ее значимой, выделив общие принципы духовно-религиозной жизни, включить в нее *шайхов* Йасавии как ветвь и дальних родственников Х. и одновременно отмежеваться от традиции наследственной преемственности, свойственной многим суфийским общинам Центральной Азии, и всего связанного с ней (например, громкого богопомятия).

Из сочинений *шайхов* Х.-накшбандийа помимо многочисленных трудов Кашифи и Джамии выделяются суфийские трактаты Са'д ад-дина Кашгари и *х'аджи* Ахрара, оригинальные работы *факихов* и *'алимов* Мухаммада Парсы и Йа'куба Чархи.

Лит-ра: ал-Бухари. Маслак; Йа'куб Чархи. Абдалиия / Рук. СПбГУ № 386, 312а–316б; он же. Унсийа / Рук. СПбГУ № 386, 232а–242а; Мухаммад б. Хусайн б. 'Абд Аллах Казвини. Силсила-нама-йн *х'аджаган-и накшбандийа* / Рук. СПбФ ИВ РАН, D290; Кашифи. Рашахат, 21–27, 40–45, 63–64, 79–92; ат-Табари. Та'рих, 1, 216–217, 222; Мухаммад ал-Алим ас-Сиддики ал-'Алави. Ламахат мин нафахат ал-кудс. Ст. Таш., 1327/1909, 21, 87; 'Али Рамитани. Рисала-йн Хазрат-и 'азизан // *Салих б. Мубарак ал-Бухари*. Макама-т-и хазрат-и х'аджа Накшбанд / Абу-л-Мухсин Мухаммад-Бакир б. Мухаммад 'Али. Бухара, 1910, 25–35; Шихаб ад-дин б. бинт амир Хамза. Макама-т-и амир Кулал. Бухара, 1328/1910; Р.Р.Рахимов. Концепция лидерства в культуре таджиков. Традиция и современность // Этнические аспекты власти: Сб. статей. СПб., 1995, 138–188; *Хисмат'уллин*. Практика, 18–34; он же. О сочинении «Эликсир счастья» Абу Хамида ал-'азали ат-Туси // СНВ, XXX (1998), 204–228; он же. Суфизм. СПб., 1999, 49–67; Ахмад Муджахиб. Маджму'а-йн асар-и фарси-йн Ахмад-и Газали. 2-е изд., Тегран, 1370/1991, 100; D.DeWeese. An "Uvaysi" Sufi in Timurid Mawarannahr: Notes on Hagiography and the Taxonomy of Sanctity in the Religious History of Central Asia // PIA, 22 (1993), 1–36; он же. The Masha'ikh-i Turk and the Khojagan: Rethinking the Links between the Yasavi and Naqshbandi Sufi Traditions // JIS, 7:2 (1996), 180–207; он же. Khojagani Origins and the Critique of Sufism: the Rhetoric of Communal Uniqueness in the Manaqib of Khoja 'Ali 'Azizan Ramitani // Islamic Mysticism Contested / F. de Jong & B. Radtke. Leiden, London, Köln, 1999, 492–519; Jürgen Paul. Maslak al-'arifin. Ein Dokument zur frühen Geschichte der Hwajagan-Naqshbandiya // HBO, 25/98, 172–185; он же. Doctrine, 5–69; A.Khismatulin. Kimiya-yi Sa'adat by Abu Hamid al-Ghazali al-Tusi: Some Textual Observations // MO, 5:3 (Sept. 1999), 1–26; О.М.Ястребова. «Макамат-и Амир Кулал» и памятники ранней истории братства накшбандийа-хвалджган // ПВ, 10 (в печ.); Суфизм в Центральной Азии (по материалам зарубежных исследований): Сб. статей. СПб. (в печ.).

А. Х.

Хикмат (араб.-перс.; тюрк. *хикматлар*, «премудрость», «мудрые изречения») — название четверостиший в сборнике стихов (*Диван-и хикмат*), приписываемом *х'адже* Ахмаду ал-Йасави (ум. в 1166–67 г.). Однако вычленение в известных редакциях сборника достоверно принадлежащих ему стихов представляется невозможным: на протяжении 500 лет после его смерти многие поколения последователей основанного им братства писали Х. от имени Ахмада ал-Йасави. Авторы новых Х., следуя суфийским этическим нормам, регламентирующим особое почтение к Первоучителю, приписывали ему свои стихи, стараясь вложить в его уста сентенции, мудрые советы и т.п. Некоторые именные *шайхи* этого братства (Хакимата, *шайх* Худай-дад и др.) писали Х. от своего имени, однако значительная часть этих четверостиший вошла в многочисленные редакции сборника и стала восприниматься как часть Х. Ахмада ал-Йасави.

Как и ранние религиозные традиции Йасавии, Х. изначально передавались, видимо, устно. Письменная фиксация сборников (как и вообще упоминание о них в источниках) относится